

РЕЦЕНЗИИ

Reciprocal constructions / Ed. by V. Nedjalkov, with the assistance of E. Geniušienė and Z. Guentchéva. Amsterdam: John Benjamins, 2007. V. 1–5. 2219 p. (Typological studies in language; 71).

Давно ожидавшееся издание, посвященное типологии взаимных (реципрокальных) конструкций, наконец, вышло из печати, и его масштабы поражают. Многолетняя работа Владимира Петровича Недеялкова (он является не только автором замысла книги и ее главным редактором, но и автором – или соавтором – примерно трети конкретно-языковых описаний в ней), свидетелями которой были практически все российские и европейские типологи, так или иначе вовлеченные в процесс подготовки этой книги, завершилась выпущенной издательством John Benjamins фундаментальной серией из пяти (!) томов общим объемом более двух тысяч страниц. Понятная робость охватывает даже рядового читателя – как подступить к этому богатству, откуда начать знакомство с пятитомником, как им пользоваться? Тем более острым является это чувство у рецензента, который должен не просто способствовать первоначальному знакомству с изданием, но взять на себя ответственность за более или менее систематический обзор его, не упустив, по возможности, ничего существенного – да к тому же еще и должен сделать попытку дать оценку этому изданию в контексте современной грамматической типологии.

Не претендуя на то, что справимся со всеми этими задачами так, как следует, все же попробуем начать – тем более, скажем сразу, что книга эта, бесспорно являющаяся событием в мировой типологии, заслуживает обстоятельного разговора – может быть, куда более обстоятельного, чем одна небольшая рецензия; это становится ясно даже при беглом взгляде на оглавление, пестрящее именами специалистов по типологии буквально со всех концов света.

До появления данного сборника реципрок, безусловно, не относился к самым изученным типам актантной деривации (особенно в типологическом плане). Вместе с тем определенная типологическая традиция изучения реципрока

(равно как и предикатов взаимной семантики в целом, называемых обычно «симметричными») существовала. Начало ей было положено в работах А.А. Холодовича 1970-х гг. (в особенности следует отметить его статью о японском реципроке, опубликованную посмертно в 1978 г.; по замыслу автора, это исследование должно было составить отдельную главу готовившейся им книги о японском глагольном словоизменении, ср. [Холодович 1979: 161–172]). Собственно, именно на эту традицию самым непосредственным образом опирается и настоящее издание, главный редактор которого, будучи учеником А.А. Холодовича и (вместе с В.С. Храковским) одним из основателей того направления, которое сегодня называют Петербургской типологической школой, начал заниматься реципроком (наряду с другими типами глагольной деривации) приблизительно в то же время, когда появлялись первые работы А.А. Холодовича на эту тему. Важными этапами на пути к рецензируемой монографии (имеющей, таким образом, многолетнюю предысторию) являются, в частности, работы [Недеялков 1991; 2004]; укажем также целый ряд работ по русским взаимным конструкциям, принадлежащих Ю.П. Князеву, одному из ближайших сотрудников В.П. Недеялкова, начиная от ранней статьи [Князев 1996] и заканчивая большим разделом в книге [Князев 2007: 258–368] (заметим в скобках, что эта книга является, на наш взгляд, одним из наиболее удачных современных описаний грамматической системы русского языка с типологической точки зрения и также заслуживала бы отдельного обстоятельного отклика).

Западных исследований по типологии реципрока меньше; среди них следует в первую очередь упомянуть давнюю небольшую статью Ф. Лихтенберка [Lichtenberk 1985] – кстати, участника и рецензируемого многотомника, которая долгое время была одним из основных (если не единственным) источником сведе-

ний по полисемии показателей реципрока, содержащей и важную попытку объяснения путей возникновения основных типов этой полисемии (эта проблематика, помимо, естественно, рецензируемой книги, специально обсуждается в [Недялков 2004]). Опытом обобщающего издания по типологии взаимных конструкций был также небольшой сборник статей [Frajzyngier, Curl 2000] (вышедший в той же серии *Typological studies in language*); эта книга, по жанру наиболее близкая к рецензируемой, на ее фоне может рассматриваться все же лишь как очень отдаленное приближение к выполненной В.П. Недялковым титанической работе. (При этом заметим, что два из восьми авторов этой книги, Ф. Лихтенберг и Е.С. Маслова, впоследствии приняли участие и в издании под редакцией В.П. Недялкова.)

В работе над рецензируемым сборником как с организационной, так и с научной точек зрения, большую роль сыграло сотрудничество В.П. Недялкова с французскими типологами. Собственно, непосредственный импульс данной работе был дан в 1991 г., когда В.П. Недялков был приглашен на небольшой срок для работы в Лаборатории формальной лингвистики Парижского университета-VII (в то время, наверно, лучший научно-исследовательский лингвистический коллектив во Франции, сыгравший неоценимую роль и в развитии российско-французских научных связей в целом); в совместных обсуждениях со Златкой Генчевой, Катрин Парис и Алис Картье и возник замысел будущего коллективного проекта. Позднее З. Генчева (как и Э. Генюшене) стала соредактором пятитомника, но для воплощения замысла в жизнь понадобилось долгих 17 лет. Впрочем, первоначально речь шла, как рассказывает в предисловии сам редактор, о совсем небольшом сборнике типологических работ.

Благодаря, в частности, международному редакторскому коллективу настоящий сборник удалось существенно расширить в отношении круга охваченных языков; этим он выгодно отличается от обычных проектов Петербургской типологической школы, которые опираются, в общем, на более или менее постоянный круг отечественных специалистов по определенным языковым ареалам и редко выходят за его пределы. Более того, пожалуй, можно рискнуть сделать утверждение, что в сборнике представлены описания грамматикализованного реципрока во всех релевантных ареалах языков мира (хотя, разумеется, не во всех вообще языках, где он встречается). Типологическая работа такого охвата и такой степени подробности вообще, насколько можно судить, появляется впервые. В типологических работах встречались ранее исследования, выполненные на

выборках из нескольких сот языков, но в этих случаях речь шла либо о простых формальных признаках (наподобие порядка слов в именной синтагме), либо о крайне поверхностном анализе явлений, часто с опорой на недостоверные источники и данные, полученные из вторых-третьих рук. Такие «мегалотипологические» работы немало и справедливо критиковались с самых разных позиций, и в настоящее время профессиональные типологи, дорожающие своей репутацией, стремятся избегать погони за «количеством любой ценой»; на смену эффективным, но малопродуктивным «мегавыборкам» постепенно приходят более тщательные исследования в рамках ареальной типологии, типологии близкородственных языков и т. п. Следует заметить, что описания, выполненные под руководством В.П. Недялкова, ничего общего с такой мегалотипологией не имеют. Это не поспешная интерпретация чужих данных, а всегда очень тщательный анализ оригинального материала, выполненный самим исследователем по предварительно разработанной анкете, с последующей многократной проверкой, перепроверкой и уточнением исходных гипотез; фактически, речь идет о подготовке оригинальных описаний одного из фрагментов грамматики языка – описаний, при всей ограниченности этого фрагмента, чрезвычайно подробных. Степень их подробности превосходит (иногда – многократно превосходит) те стандарты, которые сейчас в целом приняты для описаний «экзотических» языков – да даже и в ранее выполненных описаниях таких языков, как, например, русский или немецкий, взаимные конструкции представлены далеко не так подробно, как в проекте В.П. Недялкова. Тем самым, работа В.П. Недялкова действительно способствует появлению принципиально нового знания, т. е. выполняет ту основную функцию, которая и должна быть свойственна научной работе, но о которой, к сожалению, авторы научных работ слишком часто забывают. Можно с уверенностью сказать, что изучение реципрока «до Недялкова» и «после Недялкова» – это две совершенно разные эпохи, не сопоставимые по уровню охвата фактов и понимания закономерностей, существующих в этой области.

Кратко остановимся на структуре издания и основных его содержательных особенностях. Композиционно, пять томов состоят из восьми частей (в некоторых томах, тем самым, помещается более одной части). Первый том («Часть I: Типологические аспекты исследования реципрока») имеет вводно-теоретический характер: помимо общей характеристики проблематики и структуры работы, в нем собраны очерки, обобщающие основные результаты, получен-

ные всеми участниками исследовательского коллектива, а также работы, рассматривающие различные теоретические проблемы описания реципрока (за исключением одной статьи М. Хаспельмата, отнесенной в отдельную часть четвертого тома). В частности, дается общая характеристика средствам выражения реципрока, типам полисемии показателей реципрока, особенностям сочетаний показателей реципрока с неглагольными основами (все эти разделы написаны В.П. Недялковым), а также лексическим средствам выражения реципрока (Ю.П. Князев); приводится и типологическая анкета для изучения реципрока (В.П. Недялков и Э. Генюшене). Две статьи несколько выделяются на этом фоне. Это статья Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева о семантике латинского префикса *com-* (ср. русскоязычную публикацию [Зализняк, Шмелев 2001]) и статья Е.С. Масловой об особенностях выражения реципрока в языках банту. Первая из этих статей не является описанием латинского реципрока в полном смысле слова, а принадлежит к более привычному в лингвистической литературе жанру «наблюдений по поводу» семантической структуры латинского префикса, в которой присутствуют не только реципрок, но и социатив, а также ряд других значений. Аналогично, статья Е.С. Масловой представляет собой, главным образом, теоретические рассуждения по поводу полисемии показателя *-ana* (или его когнатов) в языках банту, который также имеет очень широкую семантику. Заметим, что предлагаемое в статье сближение глагольного показателя *-ana* и имеющейся во многих языках банту комитативной связи типа *na* представляется с историко-этимологической точки зрения не бесспорным (хотя и эффектным с точки зрения теории грамматикализации); по крайней мере, в традиционной бантуистике оно как будто бы не принято, и не случайно в статье отсутствует как подробное обсуждение этой проблемы, так и ссылки на известные работы по прабантусской реконструкции, в первую очередь [Guthrie 1971], где такое сближение не поддерживается. Вместе с тем, включение обеих статей в первый том придает теоретическим рассуждениям о реципроке несколько большую степень свободы и поднимает интересные проблемы.

В томах со второго по четвертый представлено 50 описаний реципрока в отдельных языках мира (в некоторых случаях – в группах близкородственных языков), выполненных, как это и принято в коллективных монографиях Петербургской типологической школы, строго по единой схеме. (Статьи, в которых содержатся более значительные отступления от этой дескриптивной процедуры, фигурируют, как уже

было сказано, в первом томе.) Индивидуальные описания сгруппированы прежде всего по типу представленной в показателях реципрока грамматической полисемии, т. е. с учетом того, какие еще значения из универсального грамматического набора может выражать показатель со значением реципрока: например, русский язык, где реципрокальное значение усматривается у глаголов типа *обниматься*, будет отнесен к языкам, в которых реципрок «совмещен» со всеми теми значениями, которые выделяются у показателя *-ся*, прежде всего, рефлексивного и декаузативного; с другой стороны, русское местоимение *друг друга* является «несовмещенным», или моносемичным, показателем реципрока, поскольку никаких других значений вне семантической зоны реципрока не выражает. В.П. Недялков выделяет три основных типа полисемии показателей реципрока: с дополнительным рефлексивным, социативным (значение «совместного» действия, представленное в контекстах типа 'петь хором') и итеративным значением. Общим компонентом реципрока и рефлексива является выделение у одного и того же участника ситуации агентивной и пациентной ролевой составляющей; общим компонентом у реципрока и социатива / итератива – множественность участников ситуации. Соответственно, описываемые в монографии языки сгруппированы прежде всего по этим трем типам. Внутри каждого типа дополнительно различается носитель реципрокального значения: выделяются языки как с глагольными, так и с местоименными показателями реципрока (русский язык относится именно к этому классу), языки только с глагольными показателями и языки только с местоименными показателями.

В соответствии с этой общей схемой, часть II, целиком составляющая второй том, включает многочисленные языки, в которых реципрок совмещен с рефлексивом. Третий том включает части с III по V; во всех этих частях рассматриваются языки, в которых показатель реципрока имеет также и социативное значение. При этом часть III включает языки, в которых реципрок совмещен только с социативом, часть IV – языки, в которых реципрок совмещен с социативом и с рефлексивом, а часть V – языки, в которых представлена полисемия реципрока, социатива и итератива. В четвертый том входит часть VI, включающая два языка с «непрототипической» полисемией (тоабайта и мундари¹), и часть VII, включаю-

¹ В оксанийском языке тоабайта (автор раздела – Ф. Лихтенберг) морфологический показатель реципрока может употребляться, в частности, для выражения значения, назван-

щая языки с несовмещенным реципроком. Завершающая данный том часть VIII состоит из единственной статьи М. Хаспельмата «Замечания о перспективах описания реципрокальных конструкций», являющейся своеобразным теоретическим итогом монографии.

Последний, пятый том имеет вспомогательный характер: он содержит указатель имен, указатель языков, предметный указатель и список сокращений. При всей ограниченности объема журнальной рецензии, обойти молчанием указателя к книге никак не представляется возможным. Если первые два указателя, в общем, ничем не отличаются от того, что встречается во всех остальных современных научных изданиях, т. е. содержат список имен и языков с отсылкой к страницам, где они упоминаются, то гигантский предметный указатель (точнее, целое семейство указателей), составленный С.А. Крыловым, является произведением, совершенно особым *sui generis*: не случайно его объем составляет почти сто страниц, в связи с чем все указатели и были вынесены в отдельный том. Предметный указатель состоит из терминологического и семантического указателей (последний, в свою очередь, подразделяется на «понятийный» и «онтологический»), а также из указателя «семантических глосс», где приводятся выражения английского языка, употребляющиеся в глоссах языковых примеров монографии. Одним словом, по вложенному труду, по тщательности исполнения и по фундаментальности замысла предметный указатель приближается к самой книге (сказать, что он приближается к ней по объему, было бы все-таки некоторым преувеличением, но, с другой стороны, не в каждой книге указатель составляет отдельный том). Единственная (хотя и существенная) проблема, связанная с этим указателем, состоит в том, что проникновение в новаторские принципы его составления потребует от неподготовленного читателя усилий по крайней мере не меньших, чем проникновение в специфику реципрока в языках мира. Например, при пользовании предметным указателем необходимо отчетливо представлять себе, что термины «аблатив» или «средства уменьшения валент-

ного Лихтенбергом «депацентивом»; в терминах Петербургской типологической школы его можно было бы, по-видимому, охарактеризовать как «объектный имперсонал». В языке мундари, принадлежащем группе мунда австронезийской семьи (автор раздела — Т. Осада), показатель реципрока при глагольных основах моносемичен, однако может присоединяться к основам других частей речи и выражать значения интенсивности или множественности.

ностей» следует искать в указателе терминов, но упоминания «аблативного значения» или «функции уменьшения валентностей» отнесены в семантический понятийный указатель, поскольку они соотносятся с элементами плана содержания — но при этом не с элементами семантических онтологий, поскольку в таком случае их место было бы в семантическом онтологическом указателе. Кроме того, в организации указателя достаточно последовательно выдерживается так называемый «гнездовой» принцип (но без перекрестных отсылок), поэтому читатель должен понимать, что, например, сочетание «предикативные глагольные формы» («*predicative forms of verb*») будет фигурировать в указателе терминов только один раз, и при этом не при заглавном слове *predicative* (которого в указателе терминов нет вообще, правда, в семантическом понятийном указателе есть «предикативная функция») и не при заглавных словах *form* и *forms* (в указателе присутствуют оба, и, например, «каузативные формы» предлагается искать именно при входе *forms*), а при заглавном слове *verb* (в разделе *verb*, ~ # *forms of **; вообще же все разделы при заглавных словах *verb* и *verbs* занимают почти десять колонок петитом). Читатель, конечно, может испытать некоторую ностальгию по бесхитростным и ненаучным указателям добрых старых времен, но это чувство нехорошее: так ведь можно дойти и до того, что потребовать замены автомобилей на конные упряжки...

Из языков, в которых представлена полисемия реципрока и рефлексива, в монографии описаны немецкий, польский, французский, болгарский, литовский с латышским, русский (автор Ю.П. Князев), ведический санскрит, кабардинский, адыгейский, западно-гренландский эскимосский, а также северные аравакские языки (только глагольные показатели) и австралийский язык дьяру (только местоименные показатели). Из языков, в которых представлена полисемия реципрока и социатива, описаны тагальский, удэгейский, карачаево-балкарский, японский, якутский, тувинский, киргизский, бурятский с монгольским, а также тариана и боливийский кечуа (только глагольные показатели). Представителем языков с комплексной полисемией реципрока, социатива и рефлексива, выбранным для описания, является австралийский язык варунгу; в качестве языков с полисемией реципрока, социатива и итератива фигурируют индонезийский, нелемва (Н. Каледония) и восточный футуна (о. Футуна, Полинезия). Наконец, языки с моносемичным показателем реципрока представлены такими, как эвенкийский (с маньчжурским), эвенский, чукотский (с корякским), нивхский, айнский, ительменский, юкагирский, кашинава (бассейн Амазон-

ки, семья папо), бамана (Мали), вьетнамский, древнекитайский и современный китайский.

Как можно видеть, типы полисемии показателей реципрока обнаруживают достаточно отчетливое арсальное распределение, что неоднократно отмечается в статьях вводного раздела монографии.

В монографии детально представлен очень объемный языковой материал. Естественно, возникает вопрос, как можно обобщить полученные данные и как можно связать их с теоретическими поисками современной лингвистики. Именно на этот вопрос и пытается ответить М. Хаспельмат в заключительной статье. Автор подробно обсуждает ряд терминологических проблем применительно к семантической зоне «симметричных ситуаций» (и стоящих за ними проблем более общего характера). Наиболее интересна попытка автора представить полученные в исследовании результаты в виде языковых универсалий, регулирующих значение и употребление показателей реципрока. Таких универсалий выделяется 26; они требуют дальнейшей проверки, хотя и являются в целом вполне правдоподобными. Примеры универсалий: «во всех языках моноклаузальные реципрокальные конструкции являются по крайней мере не менее сложными в формальном плане, чем соответствующие пересипрокальные конструкции, обозначающие простую ситуацию» (№ 1); «различные глагольные показатели реципрока никогда не противопоставляются по диатезным типам» (№ 9); «во всех языках имеются предикаты, выражающие реципрок лексически» (№ 16), и т. п. Обобщения Хаспельмата задают полезную программу будущих исследований.

Безусловно, фундаментальная монография под редакцией В.П. Недялкова окажется незаменимым источником информации для исследований по грамматической типологии в целом и для исследований по типологии актантной деривации в особенности. Она требует вдумчивого и внимательного чтения, но этот труд окупается сторицей – и в конечном счете может вознаградить терпеливого читателя гораздо больше, чем многие бойкие сочинения современных лингвистов, для которых преходящая научная мода оказывается несравненно притягательнее, чем языковые факты.

* * *

Уже после того, как настоящая рецензия была сдана в печать, пришло печальное известие. Владимир Петрович Недялков скон-

чался в Санкт-Петербурге 21 июля 2009 г., на 82 году жизни. «Взаимные конструкции», которые он так долго и с такой любовью готовил, оказались его последней работой. Владимир Петрович был человеком необычайной щедрости и бескорыстия, сохранявший всю жизнь детскую открытость миру, бескомпромиссный темперамент, душевное благородство – и, конечно, неутомимую преданность делу. Его уход – невосполнимая потеря для всех, кто его знал, и огромная утрата для нашей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк, Шмелев 2001 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. *Conveni, convici, convixi* // Московский лингвистический журнал. Т. 5. 2001. № 1.
- Князев 1996 – Ю.П. Князев. Возвратность как средство выражения взаимности в русском языке // Русистика сегодня. 1996. № 2.
- Князев 2007 – Ю.П. Князев. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Недялков 1991 – В.П. Недялков. Типология взаимных конструкций // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Недялков 2004 – В.П. Недялков. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) // В.С. Храковский и др. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Холодович 1978 – А.А. Холодович. Теоретические проблемы реципрока в современном японском языке // В.С. Храковский (ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Холодович 1979 – А.А. Холодович. Проблемы грамматической теории / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1979.
- Frajzyngier, Curl 2000 – Z. Frajzyngier, T.S. Curl (eds.). *Reciprocals: Forms and functions*. Amsterdam, 2000.
- Guthrie 1971 – M. Guthrie. *Comparative Bantu*. V. 1 2. Farnborough, 1971.
- Lichtenberk 1985 – F. Lichtenberk. Multiple uses of reciprocal constructions // *Australian journal of linguistics*. 5.1. 1985.

В.А. Илунган